

* * *

Кто ощутил восторг именованья,
Испепелясь в пылу соревнованья,
Но всё-таки восстав среди руин, -
Тот Богу уподобился один!
Ни возгласа, ни шороха, ни звука –
Лишь ты да тьма... да вещей крови звон:
Себя перемогающая мука
Из ничего явившихся имён...

* * *

Что поёшь мне, скворец, упокой или здравие?
Колокольцев своих для меня не жалеи!
Кто поставил багряное Слово в заглавие
Вовсе было законченной книги моей?

- Тот, Кто помнит конечное всё и начальное,
Тьму начал без концов и концов без начал...
Это Слово багряное, Слово печальное –
Твой восход и закат... твой полёт и причал...

* * *

Но как нам быть с тем ужасом?..
Бег времени – не ужас, а тоска:
Не страх берёт, а только сердце ноет,
И прав сказавший – «после сорока,
Как всеу ни лукавствуй, жить не стоит».

Но ты живёшь – и смотришь облака,
И чуешь небо тем бессмертным нюхом,
Что у младенца и у старика
Один и тот же, если верить слухам...
Живёшь – судьбе играешь на трубе,
Всё чаще замечая с раздраженьем,
Что ты уже не равен сам себе,
Тем более – зеркальным отраженьям,
Что там, где ты переступил черту,
Другая жизнь рванулась размножаться,
А ты висишь стекляшкой на свету:
Прозрачное не может отражаться,
Как, видимо, и самовыражаться...
Признаем же дерзания тщету
И обернёмся в пламенный восток,
Что близится всё явственней и шире,
Как в свиток забытья... Почием в мире!
Так спит зерно, родившее цветок.

* * *

Логос – лотос... лагуна – берлога...
Пепел – водоросль... плачу? жива?
Надо мной никого, кроме Бога.
Подо мною – вода и трава.

Что вы стелетесь, умные змеи?
Кто тянулся – давно перерос.
Боже мой! Я ответить не смею
На ещё не возникший вопрос.

Ты – спроси меня! Или на это
Недостаточно родственных прав?
Или Богу довольно ответа
Предлежащих потоков и трав?

НЕСТОР

Не я, Господи, а Ты мне говоришь.
Полям-пахотой лежат Тебе листы.
Я один. Дымя, лампада тлеет лишь,
И усталость сводит слабые персты.

Полям-пахотой лежит Тебе вчера,
Путь апостола к холмам Твоим святым...
Дым полынный половецкого костра,
Птичьим пеплом по звенящей степи – дым...

Дым во рту моём, во лобу моём, в глазу...
Дым – в дому моём... О, русская земля!
Князь, надо костью тихо выронит слезу.
Из костей беззвучно выникнет змея.

* * *

... дитя окровавленное...

А. Пушкин

...но кто из них тогда не жаждал крови,
Уверенный: иного не дано!
Кто усомнился, что лежит в основе
Неотвратимой истины зерно?!

Кто вспомнил, что лихая шестеренка
Равно рабов кромсает и господ
В тот Судный Час, когда слеза ребенка
Во имя высшей правды упадет?!

Перемещаясь к небу по спирали,
Уже вкусив от дела рук своих,
С какой последней страстью умирали
Герои искуплений мировых?

С какою мукой, слышимой все глуше,
Им время воздавало поделом,
Когда неслись их собственные души
В кишачий и клокочущий разлом?!

Но в их несостоявшемся прозреньи
Средь стольких сумасшествий и хвороб -
Нас раздирают ужас и презреньи,
И бьет неотпускающий озноб!

И ежели взметнутся Божьи лозы
Над нашим поколением больным -
И прошлые, и будущие слезы
Нам отольются, коль на них стоим:

Не разомкнутся ледяные выси,
Из мрака не потянутся на свет
Тот, из Баку, и эта - из Тбилиси...
Ни друг, ни враг, ни пахарь, ни поэт...

* * *

- Для чего ж печатаешь?

- Для денег.

А. Пушкин

Дитя на дудочке играет,
Шуршит подземный переход.
Дитя монеты подбирает,
Не озираясь на народ,
Не достаивая взглядом
Творящих милостыню рук:
Не нашим мелочным уладам
Предназначался этот звук.
Душа за хлеб не продаётся,
Одною музыкой сыта,
А жизнь ревнует и плюётся,
И сетует, и к телу жмётся,
И просит ягоду с куста –
Пусть так! За жалованье птичье,
Как Людвиг или Амадей –
Пока не вышло из обычья
Жалеть блаженных у людей.

* * *

Ты учил меня, философ,
Не бояться ничего,
Даже каверзных вопросов
Своеволья своего...

Самознание, своеволие,
Мозга дряблого корысть...
Манускрипт потрачен молью –
Ей досталось, что погрызть.
Но промолвленного слова
Даже ржавчине не съесть –
Такова его основа,
Тайна, промысел и честь.
Друг хитёр, жена сварлива,
С кем же, право, диалог?
Демос ропщет справедливо
На преподанный урок,

Ибо чувствуют Афины
Близость бдений и утрат...
Кроме этой красной глины,
Есть ли что-нибудь, Сократ?

* * *

Дар или крест – всё в прелесть превращать,
Чтоб судорогой боли – насладиться,
Смерть на миру трагедией назвать
И этой красоты не устыдиться?

Когда орёл, терзая и когтя,
Выклевывает внутренности бога,
Театр, неискушённый, как дитя,
Всецело поглощён игрою слога!

А эта сладострастная тоска,
С которой не находишь ты изъяна
На полотне, связующем века
Страданиями святого Себастьяна?

Художник знал, что допустил обман,
Но как сдержать восторг миротворенья?
И грациозно гибнет Себастьян,
Ничем не оскорбляя наше зреньё...

... так вот чему, припав к живым следам
Чутьём несоразмерности и меры,
В заговорённых нишах Нотр-Дам
Брезгливо усмеваются химеры!

* * *

Не жаль, что ничего не повторится.
Не жаль, что всё придумано не мной.
А жаль, что эта чистая страница
Мне не предстанет больше целиной.

Останься же неведомой страной,
О, выдумка моя! О, небылица!
Не торопись расстаться с тишиной
И ливнем оглушительным пролиться!

Не нарушай округлость темноты
Младенческим своим косноязычьем,
Покуда не пресытилась безличьем
В живой воде немая тень звезды,

Предшественница зыбкая твоя,
Посланница иного бытия...

* * *

Это ласка снежного комка.
Это ощущение коридора.
Это отношение чердака
К бесконечной плоскости забора.
Это верхних крайностей секрет.
Это катакомбное зиянье.
Это несказуемое знание
Истинной любви. Которой нет.
Мы уже умеем не желать.
Не жалеть. Не плакать. Не пылать.
Ничего не ждать и не страшиться.
И насквозь прозрачны наши лица.

